

ИНТЕРВЬЮ МАРИИ ГАЛИМСКОЙ С ПИСАТЕЛЕМ И КРИТИКОМ РОМАНОМ ЭМИЛЬЕВИЧЕМ АРБИТМАНОМ

М.Г. Роман Эмильевич, Вы – известный в России писатель и критик. Из-под Вашего пера вышло много интересного литературного материала. Но Вы не всегда писали под именем Романа Арбитмана. Сколько у Вас имен и псевдонимов?

Р.А. «Псевдонимы» в данном случае слово неточное: если мы говорим о Льве Гурском или докторе Каце, то это – не просто сочетание букв, долженствующее скрыть реального автора с реальными анкетными данными, а это такие квазиличности – со своими биографиями, пристрастиями и т.п. Этим фантомам я, если угодно, делегирую некоторые полномочия. Короче говоря, я завел себе сразу несколько ипостасей – на выбор.

М.Г. А как же такие псевдонимы, как Илья Ильф, Евгений Петров, Аркадий Данилов, Виталий Иринархов, Вячеслав Михайлович Курицын, Андрей Макаров, А. Ромин и мистификации – Вениамин Петров, Эдуард Тимофеевич Бабкин, Лев Аркадьевич Гурский, Рустам Святославонович Кац?

Р.А. Ромин и Макаров (или там А. Андреев или Р. Иванова) – это даже не псевдонимы. Просто иногда на газетной полосе сталкивались два моих материала, поэтому приходилось подписывать один из них другим именем – для журналистики это обычное дело. Виталий Иринархов – это персонаж романа Гурского *Перемена мест*, этим псевдонимом я воспользовался лишь раз – когда меня попросили составить рейтинг злодеев (кто об этом напишет, как не злодей?). В Курицыны (это тоже мой персонаж из книги Каца) меня вообще записали по ошибке. То, что на сайте Фантлаб среди моих псевдонимов значится «Илья Ильф, Евгений Петров, Михаил Булгаков», это такая шутка: просто я написал несколько отрывков «в соавторстве» с классиками, не претендуя на их лавры. У меня были еще тексты «в соавторстве» с Ярославом Гашеком, например, или Юлианом Семеновым. Надеюсь, никому в голову не придет и эти имена добавить к моим псевдонимам.

М.Г. *Как вы пришли к мысли, что пора менять свое направление в литературном творчестве и разделить его на три ипостаси: Романа Арбитмана, Льва Гурского и Рустама Каца? Чем это объясняется?*

Р.А. Я всегда завидовал актерам, которые могут проживать вместо одной – много жизней: сегодня он король, завтра клошар, послезавтра какой-нибудь нобелевский гений. А чем писатели хуже? Все в их власти, кроме гонораров... Так думаю, кстати, не только я. Недаром же у Романа Гари был свой Эмиль Ажар, у Стивена Кинга – Ричард Бахман, у Бориса Виана – Вернон Салливан. Я решил, что и я могу «раздвоиться» или «расстроиться» и при этом не свихнуться. Быть критиком – одно удовольствие, а быть критиком, беллетристом и еще квазиученым – целых три удовольствия. Три больше, чем один.

М.Г. *Ваши образы-мистификации противоречивы, у них разные взгляды на жизнь и творчество. Это обосновано только фактом, что все личности из разных поколений или чем-то еще?*

Р.А. Если Арбитман серьезен и суров, то Гурский – пересмешиник и анфан террибль, а доктор филологических наук Рустам Святославович Кац – вообще неведомая зверушка, которой (которому) доверять нельзя ни при каких обстоятельствах, хотя и совсем отмахиваться от писаний Каца глупо – в парадоксах легче спрятать истину. Понимаете? Арбитман более-менее корректен, ибо критика есть дисциплина точная, с цитатами не забалуешь. У Гурского как у писателя – куда больше степеней свободы. Что же касается доктора Каца, то его почтенный возраст (по легенде, Кац старше Арбитмана на 40 лет, а Гурского – на 20) позволяет ему откровенно валять дурака: мол, старик в маразме, за базар не отвечает. Арбитман, например, не мог себе позволить выпустить книгу рецензий на непрочитанные книги, а хулиган Кац – запросто, да еще придумав концепцию «не-чтения»... Ну были еще железнодорожный детективщик Эдуард Бабкин, поэт-метафизик Вениамин Петров, журналист Аркадий Данилов и более мелкие персонажи, у каждого своя специфика – возрастная или профессиональная.

М.Г. *Почему именно две мистификации? Не проще бы было создать одну и остановиться?*

Р.А. Почему две? Их больше. Эдуард Бабкин был подходящей фигурой для железнодорожной газеты, доктор Кац – для псевдонаучной монографии, журналист Данилов – для фальшивого репортерского расследования на тему «некрогенераторов», которыми, мол, воскрешали Сталина и других вождей. Ну а Гурский – для детективов. Может, позже понадобятся и другие, посмотрим...

М.Г. *Насчет того, что Кац, Гурский и Бабкин – это тоже мистификации, я, конечно, согласна. Вы создали для каждого образа отдельное творчество, со-творили их портреты, наделили собственными характерами и биографиями (даже если у Каца и Бабкина эта биография поверхностна). А Данилов? В своих мемуарах Как мы с генералиссимусом пилили Луну Вы сами пишете «псевдоним “А. Данилов”. Не мистификация, не фантом, а именно псевдоним” [с. 36].*

Р.А. Аркадий Данилов – это персонаж почти без биографии. Я только знаю, что он журналист, и ни на что другое этот «технический» персонаж пока не претендует. Так что, да, это псевдоним с некоей перспективой превратиться в персонаж.

М.Г. Роман Арбитман – это довольно успешная личность. Почему бы не взять весь успех для одного человека? Зачем делить его на три ипостаси?

Р.А. Я уже отвечал. Каждому – свое. Литературный критик не может писать романов. Иначе сразу же становится уязвим... И так далее.

М.Г. Какую цель Вы преследовали, создавая литературные мистификации? Ради коммерции или славы?

Р.А. Бабкин писал для денег, но деньги были крошечные – небольшая прибавка к учительской зарплате. На Каце я и не рассчитывал заработать. Гурский был коммерческим проектом, но я на нем почти ничего не заработал – до тех пор, пока ТВ не купило у меня права на *Перемену мест*, чтобы снять сериал. А славы у меня особенной нет. Ну, то есть, наверное, была в 90-е годы прошлого века, но читательская память коротка... Так что выходит, что все мои проекты – скорее, для удовольствия. Такое чистое искусство... Впрочем, я не теряю надежды, что однажды мне позвонит Стивен Спилберг и я сразу стану коммерчески успешен и знаменит на всю Вселенную.

М.Г. Кто был Вашей инспирацией при создании образов Гурского и Каца?

Р.А. Кто на меня повлиял? Ну, наверное, знаменитый русско-польский писатель-насмешник Осип Сенковский. В юности я прочел книгу *Барон Брамбеус*, написанную о нем Вениамином Кавериним, и она меня впечатлила. Портретом Сенковского я украсил первое издание «Президента Арбитмана»...

М.Г. Давайте поговорим о каждой из мистификаций отдельно. Как начиналась Ваша первая мистификация – *Рустам Станиславович Кац*? И почему Вы подошли к этой ипостаси с таким размахом, я имею в виду ученую степень?

Р.А. Докторская степень Кацу нужна была, чтобы легче имитировать наукообразие. Возможностей больше. Сама форма, сама манера изложения гипнотизирует читателя. Человеческое мышление инерционно. Серьезная научная статья, написанная, например, в манере сказа, никем не будет воспринята всерьез. И наоборот: мы привыкли, что нон-фикшн базируется на фактах, и даже когда перед нами откровенная стилизация под документалистику, трудно отделаться от шаблона. Даже когда читаешь фразу типа «в 1916 году сотрудник Императорской Балашихинской обсерватории В.Н. Пупкин установил, что Луна имеет форму бублика», то сперва машинально думаешь: ага, там, значит, при царе была обсерватория... и только через секунду понимаешь, что ни астронома Пупкина, ни обсерватории в Балашизе, ни бублика в виде Луны нет вообще...

М.Г. О личной жизни доктора филологических наук Рустама Каца очень мало известно. Вы не могли бы немного рассказать о его биографии, когда родился, где живет, чем занимается, есть ли у него семья, место работы?

Р.А. Биографию Каца я толком не придумал. Про личную жизнь ничего не сочинил – да никто и не спрашивал. А что касается его научной деятельности... В Саратове я говорил, что он преподает в московском вузе, москвичам врал, что он – саратовец. А когда я готовил последнее по времени издание *Истории советской фантастики*, я сделал Каца преподавателем Санкт-петербургской Гуманитарной Академии. Поскольку такой академии в Питере нет, а издательство «Гуманитарная Академия» (в котором я и перевыпустил книгу) – реальность, никто не усомнился. На самом деле я сделал это переиздание просто потому, что нашел в старых журналах фантастики много картинок, которые можно было бы выдать за иллюстрации к книгам, описанным у Каца. Ну и потом оказалось, что директор Института космических исследований в Москве – поклонник моих мистификаций. И я захотел провести презентацию в обстановке, максимально приближенной к «космической», то есть, в окружении макетов Лунохода, станции Луна-16 и прочих диковин.

М.Г. *Рустам Кац получил несколько премий. Какие это премии? Вас не смущает, что именно он стал их обладателем, а не Роман Арбитман?*

Р.А. Премии «Интерпресскон» – от читателей фантастики, «Странник» – от писателей-фантастов, «Бронзовую Улитку» – от Бориса Стругацкого. Про Гурского многие не знали, а про личность Каца очень скоро узнали все, включая Стругацкого. Так что никто не удивлялся, когда я выходил на сцену и получал награды за фальшивого доктора филологии. И нет – я не ревновал к Кацу. Это все равно, что левая рука ревновала бы к правой или нос – к уху.

М.Г. *Историю советской фантастики авторства Р. Каца можно считать мистификацией в мистификации. Мне кажется, что в русской литературе никто еще не осмелился создать такого рода эксперимент. Как у Вас это получилось и не боялись ли Вы последствий?*

Р.А. На подобные вопросы я обычно отвечаю строкой из анекдота. Майор милиции допрашивает путану. «Ну как же так? – укоризненно говорит он. – Мама у тебя – учительница, папа – передовой рабочий, а ты стала валютной проституткой. Как же так вышло?» Женщина пожимает плечами: «Даже не знаю, гражданин майор. Наверное, просто повезло». Вот и мне – повезло. Идея носилась в воздухе. А почему ее реализовал именно я – это удачное стечение обстоятельств. Еще до того, как начать писать книгу, я уже знал, кто ее издаст. Это обычно придает силы.

М.Г. *Сколько раз переиздавалась История советской фантастики и на какие языки переводилась?*

Р.А. Реально было четыре русскоязычных издания: 1993 – издательство Саратовского университета, 1994 – журнал «Знание – сила» в Москве (сокращенный вариант), 2004 – издательство Санкт-петербургского университета, и 2013 – тоже Питер, ГумАкадемия. А в 2017 году книгу перевели на японский и издали в Токио. Рецензии были во всех крупных японских изданиях. Я был потрясен.

М.Г. *Рустам Станиславович находится уже в преклонном возрасте. Дождется ли читатель очередных научных работ доктора Каца или же у Вас другие планы? Не закончите ли Вы его жизненную карьеру, ссылаясь на старческий маразм или же болезнь Альцгеймера, например, такими словами: «ушел из дома и не вернулся»?*

Р.А. Кац переживет нас всех – и Гурского, и меня. Это бессмертный старик.

М.Г. *Хотелось бы задать еще несколько вопросов о Льве Аркадьевиче Гурском. Мне кажется, что Вы ассоциируетесь с этим образом. У Вас с ним много общего?*

Р.А. Ничего общего нет, кроме небольшого сходства. Когда я отпустил бороду, сходства стало чуть больше. Я, в отличие от Гурского, не юрист, не эмигрант и не бывший алкоголик.

М.Г. *Почему на обложку книг Льва Гурского вы поместили Вашу фотографию? Быть может, Вы хотели таким образом раскрыть читателю глаза на свою мистификацию?*

Р.А. На обложках первых изданий Гурского не было фото, там был рисунок. Гурский выглядел не слишком обаятельным. Эдичка Лимонов, глядя на этот портрет Гурского, обозвал его «корявый пенек еврейский». Хотя я не уверен, что Гурский – еврей. Он может быть и украинцем, и поляком. В Минске есть улица Гурского – и я говорил минчанам, что Лев Гурский – белорус.

М.Г. *Биографию Гурского Вы продумали до мелочей. Почему его местом жительства Вы выбрали США? Почему не выбрали, допустим, Англию или другую какую-то страну в Европе, или же страны Африки, или может Австралии? Почему Америка?*

Р.А. Америка удобнее всего. И далеко от России, и – центр цивилизации. Я поселил Гурского в Вашингтоне, а не в Нью-Йорке, где большая русская диаспора. А в Вашингтоне в ту пору из писателей жил только Василий Аксенов. По легенде, Гурский был другом Василия Палыча, и я даже посвятил ему роман *Опасность*.

М.Г. *Поменял ли Гурский свое место проживания?*

Р.А. Вернулся в Россию и в родной Саратов в начале нулевых. Для того, чтобы писать фельетоны на политические темы. Это надо делать в России.

М.Г. *Скажите, созданная Вами биография Гурского повлекла ли за собой какие-либо последствия?*

Р.А. Да, один раз. Главный редактор проправительственной газеты «Культура», а ныне депутат Госдумы, однажды в споре со мной намекнула на мой несуществующий алкоголизм. Видимо, в интернете нашла остатки придуманной для Гурского биографии

М.Г. *Существуют ли прототипы героев произведений Льва Аркадьевича?*

Р.А. У главных героев – вроде капитана ФСБ Макса Лаптева или частного сыщика Штерна – прототипов нет. Вернее, Штерн – образ собирательный: на 90 процентов он состоит из автора, а на оставшиеся 10 – из всех известных мировых частных сыщиков, от Огюста Дюпена до мисс Марпл. Плюс Жванецкий, конечно. Что касается остальных героев... Некоторые авторы сводят сче-ты в своих романах, я – нет. Вернее, делаю это весьма хитроумным способом: не унижаю своих врагов, выставляя их в негативном свете (как, допустим, делает Пелевин – нелюбимых им критиков обзывает по-всякому и роняет в сортиры), а напротив ставлю их на котурны и окружаю сиянием. Как правило, я вывожу своих знакомых просто потому, что так удобнее: когда описываешь персонаж, то представляешь себе известное лицо. А еще лучше несколько, и делаешь такого тяни-толкая, кентавра, в общем, гибрид. Кое-кто, безусловно, обижается, скандалит. Главный редактор тогдашней «Независимой газеты» Виталий Третьяков, «узнав» себя в Викторе Морозове, страшно разозлился. Зато Валерия Новодворская не только не обиделась на меня за Леру Старосельскую из книги *Убить президента*, но даже согласилась написать к первому изданию романа послесловие. Насколько я знаю, Анатолий Чубайс отнесся к «своему» персонажу, главе администрации президента Болеславу Яновичу Потоцкому, с юмором... Ну, а если контраст между художественным образом и реальным прототипом невыигрышен для последнего, я не виноват. Я всегда даю человеку шанс стать лучше если не в жизни, то хотя бы в художественном произведении. Например, Эдуард Лимонов мне не нравится, а вот Фердинанд Изюмов – веселый, бесшабашный, безбашенный и очень занятный персонаж. Лимонов, кстати, поначалу на меня сильно злился. Потом перестал.

М.Г. *Как так получилось, что Вы стали Вторым Президентом России?*

Р.А. Рано или поздно каждый пишущий чувствует реформаторский зуд и желает дать совет, как лучше обустроить Россию. Но если уж делиться с миром не только своими сюжетами, но и своими мыслями, то здесь должен работать принципиально иной жанр, нежели публицистика. Поэтому, приступая к жизнеописанию второго президента России Романа Ильича Арбитмана, Гурский воспользовался методом доктора Каца, то есть методом альтернативной историографии. Кацу пришлось в голову выдумать советскую литературу, существовавшую как бы в параллельной реальности, а Гурский обратил свой взор в совсем уж недавнее прошлое, которое опасно граничило с настоящим. Автор решил сочинить другого президента России, который был избран после Ельцина и сделал так, чтобы жизнь стала иной, несравненно более симпатичной, чем она есть в реальности. Если бы здесь был избран чисто беллетристический подход, идея, я думаю, провалилась бы, но беллетристика маскировалась под иные формы повествования. Автор выбрал стилизацию под «ЖЗЛ», под суховатое жизнеописание, переполненное цитатами из мемуаров и документов и лишь время от времени расцветенное более-менее живенькими эпизодами. При этом автор не скупился на гротескные моменты и на вполне безумные трактовки уже случившихся событий, дабы не пересерьезнить текст и, упаси

Боже, не выглядеть современным гуру. Книга должна была балансировать на грани между чистой интеллектуальной игрой без берегов и тщательно просчитанным историческим перевертышем, где всякий эпизод – на своем месте, а в совокупности эти импрессионистские мазки они должны сложить в некую стройную картину страны и мира... Понимаете, это уже не совсем игра.

Скукоживание политических свобод еще не означает сужение свободы воображения. В реальной жизни России я уже не могу изменить практически ничего. Нет настоящих выборов, нет полноценной свободы слова, нет никаких реальных механизмов, которые позволили бы обычному частному человеку влиять на принятие решений в высоких кабинетах. Что мне как индивидууму, наделенному воображением, остается? Только мысленно пересоздавать реальную действительность, вытеснять ее придуманной мною самой действительностью фантастической. Мир вымысла хоть чуть-чуть, но все же влияет на мир реальный. Нам не дано стопроцентно предугадать, как слово наше отзовется. А вдруг? Мышь способна сдвинуть гору, моська – повлиять на слона. В мире физическом тебе не победить Левиафана, в мире виртуальном шансы есть.

М.Г. *В средствах массовой информации можно прочесть о том, что одно из издательств подало на Вас в суд за нарушение авторских прав?*

Р.А. Да, издательство «Молодая гвардия», которая выпускает биографическую серию «Жизнь замечательных людей», решило, что наше пародийное оформление посягает на их права. Суд нашел в оформлении книги признаки контрафактности, то есть, признал наличие нарушения авторских прав, но, как я понял, незначительное. Была присуждена выплата 30 тысяч рублей. Главное – отказано в оскорбительном требовании «Молодой гвардии» уничтожить тираж. Хотя то, что компенсация была присуждена, меня отчасти печалит, отчасти забавляет. Во-первых, суд своим решением как будто бы признал, что вторым президентом нашей страны был некто Роман Арбитман, хотя моя книга, и в том числе ее обложка, – это не реальная биография президента, а всего лишь писательская выдумка. А во-вторых, у нас хотя и нет прецедентного права, но тем не менее прецедент создан – теперь пародия может быть оспорена в суде.

М.Г. *Когда Вы раскрыли свои мистификации и по какой причине?*

Р.А. С течением времени слишком многие узнали и так. Скрывать стало глупо. А интервьюеры хотели «разоблачений». И я «разоблачал» Гурского раз пять или шесть и всем говорил, что эксклюзивно для этой газеты или для этого телеканала.

М.Г. *Ссылаясь на истории мировых писателей-мистификаторов таких, как, например, Ромен Гари или Черубина де Габриа, Вы не боитесь, что одна из ипостасей Лев Гурский или Рустам Кац возьмут верх над Вашим творчеством и что в будущем именно об этих писателях будут помнить, а не о Романе Арбитмане?*

Р.А. Я согласен быть одной строчкой в биографиях Гурского или Каца. Но пока не вижу того биографа, который эти биографии напишет. А самому неохота.

М.Г. *В своих, т.е. Романа Арбитмана, мемуарах Как мы с генералиссимусом пилили Луну вы признаетесь еще в одном литературном фантоме, которым является поэт Вениамин Петров. Вы молчали о сотворении этой личности более 20 лет. Неужели никто не подозревал о том, что этот поэт не существует? И почему вы вдруг решили признаться в своей мистификации?*

Р.А. Это не очень крупная фигура. Да и стихи его... сомнительны. Самое лучшее я лет десять назад напечатал под своим именем. Никто ничего не заметил.

М.Г. *Роман Эмильевич, как Вам удается писать одновременно как Арбитман, Гурский и Кац? Вы не запутываетесь?*

Р.А. Пишу не одновременно, конечно. Не умею параллельно работать над несколькими книгами. Заканчиваю одну, начинаю другую. Так что Гурский, Кац и Арбитман не мешают друг другу.

М.Г. *Как Вы относитесь к тому, что Вас считают хулиганом и балагуром?*

Р.А. Ну какой я балагур? Угрюмый мрачный человек. А репутации хулигана я рад. Пусть побаиваются – в России неплохо считаться хулиганом.

М.Г. *Не могли бы Вы открыть маленький секрет о своих планах на будущее.*

Р.А. Нет. Боюсь сглазить. Идей много – и не факт, что все воплощу. Каждый день в голову может прийти новая мысль, которая отодвинет прежние замыслы. Такое бывало не раз.

М.Г. *Желаю Вам творческих успехов!*

Р.А. Спасибо. «Мухтар постарается», как говорил персонаж Юрия Никулина, имея в виду своего пса.

*Интервью состоялось по
скайпу 30 октября 2017 года*